

Если не найдёшь, не бойся, что тебя расщепит — я придумаю, как пустить ещё один удар грома, он, пожалуй, сможет напрямую разворотить эту ловушку.

Он-то говорил это вслух, но в душе мысленно приговаривал: умоляю тебя, лысый ты чёрт, скажи мне, что уже всё нашёл, у меня всего-то одна эта бумажка облачного грома, потрачу — и больше не останется.

К счастью, Сюань Минь не обманул его ожиданий: кивнув, он бесстрастно произнёс:

— Можешь слезать с верха стены.

Сказав это, он развернулся и зашагал прочь.

Светло-серые грубые монашеские одежды легко, подобно облаку, скользнули по воздуху, и в несколько шагов он удалился.

Однако не прошло и мгновения, как Сюань Минь снова остановился и обернулся на стоявшего без движения Сюэ Сяня.

Сюэ Сянь с самым бесстыдным видом похлопал себя по ногам и с полным на то правом заявил:

— Отсохли, идти не могу.

Сюань Минь нахмурился, решив, что тот снова пустился на уловки, и холодно, без всякого выражения ответил:

— А эта твоя нечисть бегала прежде совсем неплохо...

В два счёта вцепился в воротник слуги — проворства было не занимать.

— Сюэ Сянь холодно усмехнулся:

— Лысый ты чёрт, у тебя, должно быть, глазёнки повылазили? Разве я сам тогда ногами бежал? Я же чужие ноги одолжил.

Бездушный лысый монах и вечно творящий козни дух переглядывались с минуту, пока наконец первый не опустил глаза и брови, развернувшись и снова направившись к стене.

Ноги Сюэ Сяня скрывались под чёрным халатом, был виден лишь худой, выступающий контур коленей. У тех, кто годами прикован к постели и не может ходить, ноги чаще всего неестественно тонкие, но Сюэ Сянь был другим. Судя по общим очертаниям, его ноги ничем не

отличались от обычных, не скажешь, что это пара бесполезных конечностей.

Сюань Минь бросил на них беглый взгляд, протянул руку и крепко сжал лодыжку Сюэ Сяня.

Сюэ Сянь от этого движения едва не подскочил от неожиданности: не будь его ноги лишены всякой чувствительности, он бы, пожалуй, тут же вlepил этому лысому пинок и вышвырнул вон.

Положа руку на сердце, скажи, разве можно лапать драконьи когти кому попало?! А?! Совсем жить надоело!

Сюань Минь ясно видел всю гамму его чувств: у того, у кого ноги здоровы, в момент испуга просто не может шевелиться лишь верхняя часть туловища, в то время как нижняя остаётся абсолютно неподвижной.

Стало быть, эта нечисть сказала правду, и его ноги действительно не действуют.

Сюань Минь поднял взгляд: одной рукой сложив перед грудью буддийский жест, другую он протянул к Сюэ Сяню, раскрыв тонкую и мускулистую ладонь, и произнёс:

— Спускайся.

Сюэ Сянь искоса глянул на его ладонь, а затем окинул взглядом фигуру лысого. Просторные монашеские одежды лишь подчёркивали высокий рост и худобу Сюань Миня. По очертаниям его расправленных плеч и спины было видно, что эта худоба вовсе не болезненная — скорее, жилистая и полная скрытой силы. Но как ни крути, до слова «мощный» тут было ещё очень далеко.

Поэтому Сюэ Сянь с сомнением задрал подбородок:

— Одной рукой удержишь? Сдурел, что ли?

Сюань Минь остался невозмутим, ладонь по-прежнему была раскрыта.

— Ладно, если разобьюсь в лепёшку — с тебя спрос, — небрежно бросил Сюэ Сянь, уперся обеими руками и спрыгнул со стены.

Впрочем, в самый момент падения он с тихим звуком превратился из живого худого человека обратно в бумажного человека. Видимо, чтобы соответствовать ширине ладони Сюань Миня, он нарочно уменьшился в размерах ещё в несколько раз — весь целиком размером с ладонь, он так плавно, словно оторвавшийся от ветки осенний лист, опустился на руку Сюань Миня...

И раскинулся в виде иероглифа «человек».

Сюань Минь: «...»

Насмотревшись на живого-здорового мошенника, внезапно снова лицезреть этот портрет в стиле «взгляд мертвеца», пусть даже и уменьшенный, было поистине тяжело для глаз.

Сюань Минь молча отвёл взгляд. Руководствуясь принципом «с глаз долой — из сердца вон», он, как и прежде, водворил эту нечисть в потайной карман на поясе. Правда, на этот раз он проявил некоторую гуманность и не стал опускать его на самое дно, позволив бумажному человеку высунуть голову наружу, чтобы тот мог припасть к краю кармана и время от времени дышать воздухом.

Кто бы мог подумать, что эта нечисть останется недовольна.

— Сделай одолжение, смени место.

Слова одолжения Сюэ Сянь произнёс, но в то же время тоном не терпел никаких возражений.

Сюань Минь никак не ожидал, что всего за пару фраз этот пройдоха напрочь забудет, кто тут вообще-то пленник, и начнёт постепенно забираться на голову.

Видали ли вы когда-нибудь заключённого в тюрьме, который с полным правом требует перевести его на первоклассное место?

— И как же сменить? — Сюань Минь опустил взгляд.

Бумажный человек от природы был лишён костей, поэтому с лёгкостью задрал всё лицо кверху и, закатив глаза, потребовал от Сюань Миня:

— Хочу на плечо!

Сюань Минь: «...»

Бумажный человек по фамилии Сюэ по-прежнему с полным обоснованием жаловался:

— Из этой проклятой дыры обзор слишком низкий, ничегошеньки не видно, хочу на плечо!

Сюань Минь: «...»

Почему бы тебе сразу на небо не забраться?

— На сей раз падения не боишься, — не холодно не жарко изрёк Сюань Минь.

Сюэ Сянь, не задумываясь, парировал:

— Ты что, хромаешь на оба плеча? Скачешь при ходьбе? Если не хромаешь и не скачешь, с чего мне падать?

У этой нечисти вечно находились оправдания, Сюань Минь не мог с ним тягаться, лишь покачал головой и с видимой безысходностью произнёс:

— Лезь.

Сказав это, он оставил Сюэ Сяня без внимания и зашагал вперёд.

Сюэ Сянь притаился у края потайного кармана, ожидая, пока Сюань Минь протянет руку и поможет ему перебраться, но не дождался и тут же гневно возмутился:

— А рука где?

Сюань Минь холодно и отстранённо бросил:

— Сам карабкайся.

Сюэ Сянь: «...»

Для такого важного господина, как Сюэ Сянь, ползать повсюду на четвереньках было ниже человеческого достоинства, и заставить его пойти на это не смогли бы даже под страхом смерти. Но использовать силу рук, чтобы карабкаться, словно мартышка на дерево, он скрипя сердце ещё мог стерпеть. Окинув взглядом высоту лысого и мысленно прикинув её, он снизошел до того, чтобы вытянуть две свои драконьи лапы и зацепиться за монашеское одеяние.

Ткань одеяния Сюань Миня была довольно странной на ощупь: не сырой лён и не выделанный, на ощупь не особо гладкая, но при этом весьма мягкая, ослепительно-белая и без единого пятнышка грязи. Короче говоря, такое вряд ли доведётся носить простому монаху.

И от неё исходил какой-то... неопишуемый запах.

Будто сосновый лес в заснеженных горах.

Бумажный человек оказался поистине лёгким и крошечным, Сюэ Сянь в несколько цепких движений преодолел путь от пояса Сюань Миня прямо до воротника.

Вообще-то, можно было просто перемахнуть через край воротника набок — это считалось бы кратчайшим путём. Однако Сюэ Сянь поступил иначе: он зацепился за воротник Сюань Миня, оглядел оба плеча и снова задрал голову.

С этого странного ракурса ему был виден точёный подбородок Сюань Миня, а всё, что выше, скрывалось из виду.

Сюэ Сянь немного перевёл дух, после чего резким рывком подтянулся, вскарабкался на подбородок Сюань Миня, а затем, словно ему припекло хвост, в два счёта взбежал по переносице и, используя брови и ресницы Сюань Миня как опору, сбоку перебрался на плечо, на практике продемонстрировав смысл выражения «сесть кому-то на голову».

Сюань Минь: «...»

Вырастить столь бесстрашный и дерзкий нрав мог только какой-то необычный мелкий ёкай, однако аура истинного облика Сюэ Сяня была столь слаба, что Сюань Минь до сих пор не мог точно определить происхождение этой нечисти.

К слову об истинном облике...

Сюань Минь бросил косой взгляд на сидевшего у него на плече бумажного человека и глухим голосом спросил:

— Ранее ты говорил тому учёному-призраку, что срок твоей земной жизни ещё не истёк.

Сюэ Сянь поправил позу, устраиваясь поудобнее, лениво оперся о плечо и с крайне пренебрежительным видом отозвался:

— Ага, так что ты взял меня незаконно и без всяких на то оснований.

Сюань Минь оставил это заявление без ответа и вместо этого задал следующий вопрос:

— Тогда где же твоё истинное тело?

На свете всегда найдутся упрямцы, которые мастерски умеют сыпать соль на чужие раны и задевать за живое.

Что та сухая палка Цзян Шинин, что этот лысый — оба хороши.

Где же в конце концов находится его истинное тело?

Этого, пожалуй, не знал наверняка даже сам Сюэ Сянь.

Вспоминая тот день на берегу моря в уезде Хуамен провинции Гуандун, когда у него живьём вытянули сухожилия и кости, — тогда разразился жуткий шторм, вздымая морские валы. Огромные волны целиком увлекли его в пучину. Терзаемый невыносимой болью, он потерял рассудок, а когда к нему вновь вернувшееся крошечное крупицы сознания позволили прийти в себя, он обнаружил, что его истинный дух уже отделился от тела.

Такое исполинское тело, лишённое поддержки истинного духа, не могло больше сохранять прежний вид и, сжавшись, превратилось в золотую бусину.

Он собирался было забрать золотую бусину, чтобы, окрепнув духом, вернуть себе прежний облик, но небеса сыграли с ним злую шутку. Не успело его сознание полностью проясниться, как ту золотую бусину волной вынесло на берег. Сквозь толщу воды он лишь смутно разглядел фигуру человека в рыбацкой одежде, который подобрал её.

Когда он полностью пришёл в себя и попытался броситься в погоню, того человека и след простыл.

При воспоминании об этом Сюэ Сянь закипал от злости, а потому без всякого удовольствия ответил первое, что пришло на ум:

— Разве я не тем занят, что ищу его!

Сюань Минь снова бросил на него взгляд: умудриться потерять даже собственный истинный облик — эта нечисть действительно обладала немалыми способностями.

Дело было вовсе не в том, что Сюэ Сянь относился к этому спустя рукава: по сравнению с кровной местью за вырванные жилы и кости, проблемы с истинным обликом казались куда меньшей заботой. Если он сейчас не мог его отыскать, то лишь потому, что был тяжело ранен и связь с телом оборвалась. Стоит ему полностью восстановить силы, как он неминуемо почует своё истинное тело, и тогда отыскать его не составит никакого труда.

Впрочем, целенаправленные поиски — это одно, а когда само плывёт в руки — совсем другое.

Сюэ Сянь вспомнил услышанный ранее гул и не удержался от внутреннего бормотания:

— А расположение этого особняка довольно странное...

Пока он произносил эти слова, Сюань Минь уже уверенно нёс его через залы и комнаты,

благополучно минуя два узких прохода и преодолевая галерею, и как раз собирался распахнуть ещё одну узкую дверь.

В итоге Сюэ Сянь так и не договорил слово «странное», запнулся на полуслове и поспешно сменил тему:

— Подожди! Почему это место кажется мне таким знакомым?

Да какое там знакомым...

Этот вымощенный синим камнем пол, комнаты с резными деревянными притолоками, старое дерево с выглядывающей из-за стены кроной и выющиеся по стенам плети лиан... Да это же то самое место, где Сюэ Сянь впервые открыл глаза!

Выходит, этот лысый кружил-кружил с ним повсюду и в конце концов привёл обратно туда же?!

Однако Сюань Минь покачал головой и произнёс:

— То место было иллюзией, а это — настоящее.

Сюэ Сянь искоса глянул на него, подумав про себя: ладно, раз уж этот лысый смыслит в искусстве скрытых врат Восьми Врат, то вряд ли его расчёты сильно ошибочны. Раз говорит — настоящее, значит, настоящее...

— И какая польза от того, что мы нашли это подлинное место? — Сюэ Сянь смотрел, как лысый переступает порог узкой двери и направляется в пустую, безмолвную комнату.

Сюань Минь ответил:

— Это место — Врата Жизни. Выйдя через них, можно разрушить ловушку.

Сюэ Сянь уже собирался заговорить, как вдруг в помещении, где никого не должно было быть, послышались неясные человеческие голоса.

Сюань Минь тут же остановил занесённую ногу, развернулся на носке и, укрывшись вместе с бумажным человеком на плече за опорным столбом галереи, бесшумно замер.

Откуда здесь люди?

Припав к плечу Сюань Миня, Сюэ Сянь слегка вытянул голову из-за столба; к счастью, бумажный силуэт был почти незаметен, так что привлечь к себе внимание посторонних было

трудно.

Голоса в комнате стали отчётливее, и тембр показался до боли знакомым. Когда дверь со скрипом отворилась и находившийся внутри человек несколько неловко переступил через порог, выставив вперёд ногу, Сюэ Сянь внезапно сообразил — это голос дурачка Лю Чуня.

Неужели без малейших усилий удалось отыскать остальных пленников? С кем это он разговаривает? С Цзян Шинином?

Впрочем, Сюэ Сянь всё же не был бездумным храбрецом и вмиг уловил нечто странное.

Плотный халат на Лю Чуне отличался от прежнего. Раньше на нём был серо-синий халат, а сейчас он облачён в одеяние глубокого красновато-бурого цвета, причём по краю рукавов шла тёмно-красная кайма, что придавало образу праздничный вид.

Едва эта мысль промелькнула в голове, как стоявший за дверью Лю Чунь повернулся, чтобы поддержать того, кто находился внутри.

Движения его рук и ног были неуклюжими, и даже в помощи чувствовалось чрезмерное, дюжинное усердие, а вместе с тем — искренность.

Та старуха, опираясь на его руку, с трудом вышла наружу. Волосы у неё были седые и редкие, крошечный узел волос небрежно и мягко зафиксирован на затылке. Лицо иссохшее, уголки глаз опущены, борозды морщин изрезали всё лицо, а губы отливали синеватым — по всему было видно, что она тяжело больна.

Одной рукой она цеплялась за запястье Лю Чуня, вцепившись в него мёртвой хваткой, словно корни старого дерева в землю, а в другой руке держала серую деревянную трость. Даже с такой опорой преодолеть порог ей давалось с большим трудом.

Старуха волочила ноги, и для неё этот порог, судя по всему, был слишком высок.

Наконец, опираясь обеими руками на трость за пределами порога, старуха замерла, с улыбкой глядя на Лю Чуня, и, сжав губы, прошамкала:

— Чунь-эр у нас молодец, сходи-ка в комнату, принеси мне деревянный табурет.

Лю Чунь кивнул и уже было собрался шагнуть в комнату, как старуха добавила:

— Да, и ещё фонарь с бумажными слитками.

Глупый обычно способен удерживать в голове лишь одну задачу за раз. Три поручения подряд для дурачка Лю Чуня оказались чересчур сложными. Одной ногой ступив внутрь, а другой оставаясь снаружи, он ошеломлённо уставился на старуху, с силой выговаривая слова:

— Табурет... слитки?

Старуха едва заметно вздохнула и с добродушной улыбкой произнесла:

— Ну надо же, Чунь-эр у нас умный.

Лю Чунь в ответ одарил её глуповатой улыбкой и стремглав бросился в комнату. Спустя мгновение он выбежал обратно, держа в одной руке деревянный табурет, а в другой — объемистый полотняный мешок. Руки дурачка были заняты, и он, похоже, совершенно растерялся, не зная, как переступить порог: помявшись у края, он кое-как перешагнул, споткнулся и только тогда протянул старухе табурет и мешок.

Видимо, он попытался аккуратно поставить табурет и развязать мешок, но из-за своей неуклюжести едва не опрокинул скамейку, а завязку на мешке сдуру затянул намертво. То ли он пришёл помогать, то ли лишь для того, чтобы устроить беспорядок.

Однако старуха ни капли не выказала раздражения — она всё так же кривила губы в улыбке и приговаривала:

— Ступай в комнату, принеси ещё два фонаря.

Лю Чунь, видимо, решив, что удостоился похвалы, воодушевился ещё сильнее, звонко отозвался и снова бросился в комнату шарить по углам. Вскоре он вытащил два красных фонаря.

— Наступил Малый год, пора сменять эти белые фонари. — Под руководством старухи Лю Чунь сменил висевшие у двери фонари на праздничные красные, после чего старуха снова опустилась на деревянный табурет и, прищурившись, принялась развязывать мёртвый узел на мешке.

Возиться пришлось долго, но узел она всё же одолела.

Стоило развязать горловину мешка, как оттуда на землю высыпалась целая гора бумажных слитков.

Старуха бережно извлекла из кармана спичку, поднесла её к снятому белому бумажному фонарю, добыла огонёк и бросила на кучу бумажных слитков.

Мягкий желтоватый огонь мгновенно вспыхнул, и ворох бумажных слитков на глазах съёжился, точно из него выпили всю жизненную силу. Один слиток с краешку уцелел от пламени, но порыв ветра закружил его и отнёс к опорному столбу. Сюань Минь бесшумно протянул руку, и бумажный слиток оказался у него в ладони.

Перевернув слиток вверх дном, Сюань Минь, как и ожидалось, обнаружил в самом низу несколько иероглифов. Судя по тому, насколько криво и косо они были выведены, можно было с уверенностью сказать — это творение рук дурачка Лю Чуня.

Сюэ Сянь вытянул шею и прищурился, пытаясь разобрать написанное, и понял, что там выведено имя — Лю Сянь.

Ему тут же вспомнились те безграмотные маракули на слитках в комнате Лю Чуня, и он подумал: неужели и там было написано имя Лю Сяня?

Но если вдуматься, выглядело всё иначе: сейчас Лю Чунь вывел имя Лю Сяня вполне отчётливо, так почему же в прошлый раз у него получалось лишь бесформенное месиво из чернил? Судя по размазанным следам туши, там явно значилось куда больше двух иероглифов.

Изучив надпись, Сюань Минь разжал пальцы. Порыв ветра снова подхватил бумажный слиток, как раз вовремя подбросив его под последние языки пламени, и от него не осталось и следа.

Старуха, постукивая тростью по угасающим уголькам, монотонно приговаривала:

— Нынче тело захворало, спина не сгибается, так что этих бумажных слитков нынче меньше, чем в прошлые годы, уж пользуйся тем, что есть.

Лю Чунь сидел на пороге и тихо слушал. Услышав пару слов, он вдруг вскочил, вбежал в комнату и принёс оттуда небольшую стопку жёлтой бумаги. Устроившись на корточках, он уткнулся взглядом в колени и принялся мастерить поделки, бормоча под нос:

— Я... я умею, я сам.

Старуха повернулась к нему, и её лицо в отсветах пламени смягчилось, смешавшись с глубокой жалостью.

В другом деле Лю Чуня отличала неуклюжесть, но за складыванием слитков он управлялся куда ловчее — сразу видно, помогал он не вперёд и не назад. Сложив очередной слиток, он бережно поднёс его на ладони и с глуповатой, заискивающей улыбкой поднял голову на старуху, ожидая похвалы.

Старуха расплылась в широкой улыбке:

— Мой Чунь-эр складывает слитки лучше меня.

— Вот... — Лю Чунь протянул слиток старухе, давая знак бросить его в угасающий огонь.

Старуха махнула рукой:

— Не спеши. В следующий раз сожжём такие же. Имя не подписано, сжигать нельзя: сожжёшь — и никто не узнает чьё, прадед твой забрать не сможет.

Лю Чунь задумчиво кивнул и снова усердно принялся складывать новые.

Старуха постучала тростью о землю рядом, гася случайные искры, и принялась ворошить пепел, чтобы догорело то, что было на самом дне. Возилась она с пеплом и при этом бормотала себе под нос:

— Заберёшь слитки — будешь сытно есть и вволю играть, золотые горы, серебряные горы, мир и покой.

Лю Чунь, складывая слитки, машинально и сбивчиво повторял вслед за старухой:

— Сытно есть, вволю играть, золотые... горы, серебряные горы, мир и покой.

Мешок бумажных слитков быстро догорел дотла, старуха постучала тростью и, увлекая за собой Лю Чуня, они оба скрылись в избе. Но стоило им перешагнуть порог, как из темноты — то ли из-за того, что дурачок задел что-то спросонья, то ли по неосторожности — раздался резкий звон, будто разбилось какое-то фарфоровое изделие.

— Не пугайся, всё хорошо, ага, всё хорошо, — донесся из глубины дома голос старухи; видимо, испуганный содеянным оплошностью Лю Чунь застыл на месте, и она спешила успокоить его утешительными словами.

Не прошло и мгновения, как старуха и Лю Чунь вновь показались на крыльце.

Подол плотного халата старухи был подобран так, что в нём лежали осколки фарфора, а в руках у Лю Чуня было...

Сюэ Сянь прищурился из-за укрытия и некоторое время всматривался, пока не понял, что это крошечное бронзовое зеркальце.

Зачем им понадобилось бронзовое зеркало?

На душе у него заскреблись смутные сомнения.

Он увидел, как старуха велела Лю Чуню раскопать землю у подножия старого дерева рядом со стеной, сложить туда осколки фарфора и закопать вместе с бронзовым зеркалом. Закапывая зеркало, старуха снова затянула привычное бормотание:

— Положим зеркало — зловещее предзнаменование обратится к добру, пусть бьётся на счастье и покой.

Сюэ Сянь: «...»

Закопав осколки и зеркало, они вдвоём вновь направились в дом.

Хотя Лю Чунь был непутёвым, правила сыновней почтительности он всё же соблюдал: дождавшись, пока старуха войдёт внутрь, он только тогда переступил порог.

Сюэ Сянь тихонько обратился к Сюань Миню:

— Эти Врата Жизни и впрямь диковинные: перед тем как выпустить, заставляют сызнава переживать былые воспоминания?

Брови Сюань Миня сошлись на переносице, и он тут же приложил палец к губам, призывая к молчанию.

Однако было уже поздно. Перешагнувший порог последним Лю Чунь, казалось, уловил какой-то звук, растерянно обернулся и высунул голову наружу. На беду, его взгляд упал как раз на опорный столп, столкнувшись нос к носу со взглядом Сюэ Сяня.

По идее, в столь крошечном клочке бумаги рассмотреть черты лица трудно было даже с трёх дюймов, не говоря уже о расстоянии в семь-восемь шагов.

Но Лю Чунь действительно заметил его.

То ли Сюэ Сяню это лишь показалось, но мутные глаза Лю Чуня на мгновение прояснились, и его чёрные зрачки, немигающе уставившись в эту сторону, внушили странное, пробирающее до костей чувство жуткого холода.

В то же мгновение порыв ветра во дворе стих и тут же взметнулся вновь, но уже в совершенно ином направлении; эта внезапная перемена веяла неизъяснимой мистикой. Лю Чунь резко шагнул вперёд, а из глубины дома донеслись шаркающие шаги — неторопливые, шуршащие, деревянно-жесткие, слегка отличавшиеся от прежней поступи старухи.

<http://bllate.org/book/21932/2278723>